

ЛЮДИ ИСКУССТВА

Продолжение следует

Лидия АЛЕШИНА

На лестничной площадке третьего этажа Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова висит расписание. В нем теперь всегда рядом стоят имена солистки балета Галины Мезенцевой и репетитора — народной артистки РСФСР Ольги Моисеевой.

Сегодня было обозначено время с 12 до 15. Но репетиция, не успев начаться, оборвалась. Что, собственно, произошло? Мезенцева остановилась посреди музыкальной фразы и ушла. Концертмейстер, растерянно улыбнувшись, обратился к Моисеевой:

— Не расстраивайтесь, Ольга Николаевна. Они, молодые, теперь все такие.

Какие «такие»? И потом, они «молодые», а она, Моисеева, что, уже нет?

Моисеева никогда ни с кем не переживала ссор и размолвок, как с непокорной своей ученицей. Ей не хотелось думать, что виновата Галия, она искала свою ошибку. Может быть, резко сделала замечание. Может быть, Галия устала. Таких срывов не было давно...

Попрощавшись с концертмейстером, Моисеева вышла в коридор, услышала знакомую мелодию. В соседнем зале репетировала Кургапкина с артисткой, только что принятой в театр.

Да, представители их поколения постепенно покидают сцену и начинают работать с молодыми.

— Неля, можно я у тебя посижу?

— Садись, конечно. Ты что такая, заболела?

У Моисеевой и Кургапкиной доверительные, добрые отношения много лет, с первого класса в хореографическом училище. Вместе постигали науку классического танца, вместе в первый месяц войны эвакуировались в Пермь, вместе первый раз вышли на сцену Кировского театра в день выпускного спектакля в июне сорок седьмого года. Обе — ученицы А. Я. Вагановой, которая подготовила и предсказала каждой яркую творческую судьбу.

Тогда, на выпускном, Агриппина Яковлевна сидела на обычном своем месте в директорской ложе, и само ее присутствие успокаивало тех, кто держал экзамен на звание артиста балета. Моисеева танцевала Никию в третьем акте балета Минкуса «Баядерка». В газетных рецензиях критики восторженно отметили рождение новой балерины.

Да, прожита большая актерская жизнь. Ольгу Моисееву знают и у нас в стране, и за рубежом как яркую артистическую индивидуальность, как балерину, создавшую свои оригинальные интерпретации ролей Одетты — Одиллии в «Лебедином озере», Никии в «Баядерке», Мехмене-Бану в «Легенде о любви», Эгини в «Спартаке», Раймонды, Китри в «Дон Кихоте», Гертруды в «Гамлете». О ней много писали, о ней снят телевизионный фильм, который так и называется «Танцует Ольга Моисеева». Но дороже всех похвал для нее слова, сказанные Вагановой, которая в одном из своих писем написала: «...Моисеева была более чем хороша и напоминала мне Павлову».

Она посидела еще немного на репетиции у Кургапкиной, потом встала и тихонько вышла. На площади скользнула взглядом по афишной тумбе у подъезда театра, — еще недавно здесь была и ее фотография. Пошла к себе на Васильевский остров, потом уже не шла, почти бежала. У Мойки остановилась. Вид знакомой набережной немногого успокоил.

Такая красота, можно было пройтись вместе, но Галия скорее всего опять ушла в «подполье» — к себе домой, и, конечно,

же, день-два не будет отвечать на телефонные звонки...

На выпускном спектакле 1970 года критика единодушно отметила двух выпускниц: Галину Мезенцеву и Людмилу Семеняку.

...Первый год в театре Мезенцева была в кордебалете. Это естественно. В следующем сезоне ей предложили станцевать Повелительнице дриад в сцене сна в «Дон Кихоте». Один только ее выход на сцену уже привлек внимание зрителей. Но стоило ей начать танцевать, как одни почувствовали разочарование, другие досаду. У юной артистки не хватало сил закончить прекрасно начатую вариацию. Первый выход оказался неудачным. Одни искали причину неудачи в том, что Мезенцева мало репетировала, другие склонны были считать, что эта партия не для нее.

Через год Мезенцева сделала еще одну попытку — вышла в концерте в па-де-де из «Лебединого озера». И опять неудача. Для юной танцовщицы, нервной, легко ранимой, эти два провала оказались психологическим барьера, который она самостоятельно даже и не помышляла взять. Потеряла интерес к танцам, закрепилась в четвертой линии кордебалета и даже думала, не сменить ли ей профессию.

Но на художественном совете театра среди репетиторов ее имя повторялось часто. В нее верили. И больше других — Ольга Моисеева и Владилен Семенов. Именно Владилен Григорьевич предложил дать Мезенцевой фею Сирени в «Спящей», а Моисеева настояла, чтобы артистку взяли в гастрольную поездку и дали танцевать в концертах и в спектакле второй акт «Лебединого».

Когда Ольга Николаевна начала репетировать с Галией, ее прежде всего поразило, что та не хочет танцевать. Не работала, а как бы делала одолжение.

Не столько разумом, сколько чутьем Моисеева поняла, что начинать надо не с танца, а с достижения этого странного характера. Мезенцева, по ее мнению, стояла любых усилий. Девочка от природы наделена редкими для балерины данными: пластичное тело, удлиненные пропорции, завидная музыкальность.

В эти нелегкие дни Моисеева особенно часто мысленно обращалась к своему мудрому педагогу — как могла бы в данном случае поступить Агриппина Яковлевна. Вагановская школа — теперь это не только самый совершенный и получивший мировое признание метод обучения классическому танцу, это символ всего лучшего, что есть в советском балете.

Моисеевой вспомнилось, как однажды Агриппина Яковлевна оставила ее после урока.

— С завтрашнего дня приходи на урок пораньше. С твоими ногами экзерсис надо начинать делать сидя. Разогреешь ноги, а потом вместе со всеми станешь к станку.

Вспомнилось, сколько воевала Ваганова за Кургапкину, которую после окончания школы не хотели брать в театр. Ходила, спорила, доказывала, пока не добилась.

Мезенцева оказалась крепким орешком. Дома у Моисеевых все вечерние застолья сводились к разговору о Гале. Постепенно эта девочка так вошла в жизнь семьи, что никто из домашних не удивился, когда Ольга Николаевна сказала: «Галия будет жить у нас».

Как в сказке о спящей красавице, Моисеева, подобно добрым феям, постепенно отдавала Гале одно за другим: место в доме, свой талант репетитора, заложенное в каждой женщине чувство материства, свой репертуар. И сама не заметила, как эта девочка заняла такое большое место в ее сердце.

Ольга Николаевна понимала, что придется сделать выбор: либо продолжать танцевать самой, либо стать настоящим репетитором и, значит, перестать выступать на сцене. Надо ли говорить, что значит для артиста сказать: в такой-то день будет мой последний спектакль. Всегда находятся отговорки: «Почему я? Есть другие, постарше, — и не уходят. Можно разумно ограничить свой репертуар спектаклями, где я хорошо смотрюсь. К тому же, можно перейти в королевы и ходить по сцене до ста лет».

Дома на эту тему разгорались страстные дебаты. Моисеева слушала всех, но все знали, что в момент особых душевных волнений она слышит только себя.

Ольга Николаевна ушла со сцены. Может быть, это была жертва новому таланту. Может быть, мужественный шаг артистки, понимающей, что со сцены надо уйти, когда тебя все вокруг еще хвалят и только ты сама понимаешь, что уже далеко не все под силу. Скорее всего третья: у каждого артиста свой моральный кодекс. Моисеева каждый спектакль проводила с такой отдачей, что, казалось, она танцует в последний раз. В искусстве она максималистка: или все, или ничего.

Такой она была балериной, таким же стала репетитором. С Мезенцевой она подготовила за четыре года работы роли Одетты — Одиллии в «Лебедином озере», Никии в «Баядерке», Заремы в «Бахчисарайском фонтане», Раймонды, Эгини в «Спартаке», Мехмене-Бану в «Легенде о любви», Тальони в «Па-де-кат», феи Сирени в «Спящей», а также «Умирающего лебедя» на музыку Сен-Санса. И как подготовила! «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Баядерка» — труднейшие балеты классического репертуара открыли балерины необычайную, обладающую яркой индивидуальностью.

Теперь Моисеева и Мезенцева — два близких и дорогих друг другу человека. Не просто близких, а родных по духу. Наверное, духовное родство сильнее кровного.

Врожденная интуиция подсказала Моисеевой, что в Галие она найдет свое продолжение. Иногда в театре говорят, что Мезенцева своим танцем напоминает Моисееву. На это Ольга Николаевна отвечает: «Издание второе, исправленное и дополненное».

Как-то на мосту через Неву они спорили о балете «Легенда о любви». Галия сомневалась, сможет ли она сделать эту партию. «Не будь, не чувствую». А минувшим летом, когда Мезенцева получила серебряную медаль, участвуя в третьем Международном конкурсе артистов балета в Москве, один из корреспондентов спросил серебряного призера, какая ее любимая роль, и она ответила: «Мехмене-Бану — самая моя любимая партия».

...Ольга Николаевна поднялась по лестнице, достала ключ, но дверь неожиданно открылась сама. Галия стояла на пороге.

— Ты что так долго, мы умираем от голода.

За столом Галия как ни в чем не бывало тараторила:

— Такая погода установилась. Надо в выходной съездить на дачу.

— Ноги перетрудишь, потому не сможешь репетировать.

— А зачем репетировать? Вон вывесили репертуар — у меня нет спектаклей.

Вот оно что... Надо будет вечером зайти в режиссерское управление. Ввод в новый спектакль — это хорошо! Но надо же быть и на сцене.

Только что Галия создала образ Эсмеральды в балете «Собор Парижской Богоматери» в постановке Ролана Пети. В этом сезоне собирается становиться Жизель.

Сегодня Ольга Моисеева переживает вторую юность. Пусть в афишах эта юность теперь называется Галина Мезенцева.

Это новая радость — вновь и вновь возрождаться в своей талантливой, самобытной, похожей и такой непохожей на тебя ученице.

ЛЕННИНГРАД.

• Народная артистка РСФСР О. Моисеева и солистка балета Г. Мезенцева.

Фото В. Григоровича